
О долготе и краткости жизни*

АРИСТОТЕЛЬ

Глава 1 [464b19–465a12] Далее рассмотрим, почему у одних жизнь долгая, а у других короткая, и в целом причины долготы и краткости жизни. Начать следует с того, что вызывает затруднения в рассуждении о них.

Итак, не ясно, по разным причинам или по одной, одинаковой для всех, – как животных, так и растений, – у одних жизнь долгая, а у других короткая (ведь растения тоже бывают и однолетними, и многолетними). Не ясно также, из природных существ живут долго те же, кто от природы здоров, или следует их разграничить, а также короткую жизнь – и болезнь? Или некоторые болезни делают жизнь больных короткой, а некоторые вовсе не препятствуют больным жить долго.

О сне и бодрствовании мы уже сказали, о жизни и смерти скажем позднее, а также о болезнях и здоровье (в какой мере они могут иметь отношение к физической философии). А сейчас рассмотрим, как было сказано, по каким причинам у одних жизнь долгая, у других короткая. Ибо этим различаются как целые роды, так и представители одного вида. Под различием по роду я имею в виду, например, различие между человеком и лошадью (ибо люди живут дольше, чем лошади), а по виду – человека в отличие от человека. В самом деле, одни люди живут дольше, другие меньше в зависимости от места проживания, например, населяющие жаркие страны живут дольше, а холодные – меньше. Но и жители одной местности отличаются разной продолжительностью жизни.

Глава 2 [465a13–465a32]. Итак, нужно понять, что в составе природных сущих погибает легко, а что с трудом. Огонь, вода и другие тела того же рода, не обладая одинаковой силой действия, оказываются друг для друга причиной возникновения и уничтожения. Следовательно, все прочие [тела], которые состоят из них и не составлены из множества частей (наподобие дома), должны быть причастны их природе. Об иных сущих и доказательство будет иное, ибо для каждого – свой конец: для знания и незнания, для здоровья и болезни. Ибо все подобное может погибнуть, даже когда не погибает и сохраняется воспринявшее их [подлежащее]. Так, запоминание и учение губят незнание, а забывчивость и ложь – знание. А привходящим образом прочие сущие гибнут вследствие гибели природных сущностей. Например, вследствие гибели животного погибают знание и здоровье, которые в нем находились.

Из сказанного можно заключить, что для души, – если бы она находилась в теле не от природы, а так, как существует в душе знание, – должна быть еще одна смерть, помимо наступающей по смерти тела. Однако душа, как очевидно, не такова, поэтому с телом должна быть соединена по-другому.

Глава 3 [465b1–465b32]. Еще одно затруднение: может ли уничтожимое стать где-либо неуничтожимым? Так огонь неуничтожим наверху, где ему ничто не противоположно. В самом деле, то, что свойственно противоположностям, уничтожимо привходящим образом, поскольку уничтожимы сами противоположности (ибо они друг друга взаимно уничтожают). Но ни одна из противоположных сущностей не уничтожается привходящим образом, ведь сущность не сказывается ни о каком подлежащем. Следовательно, то, чему ничто не противоположно, – и там, где ему ничто не противоположно, – не может быть уничтожено. Действительно, что же его уничтожит? Как установ-

* Перевод выполнен по изданиям [Aristotle 1955; Aristotle 2000].

лено, уничтожить могут только противоположности, однако их нет: или совсем, или нет здесь, в этом месте.

Пожалуй, это рассуждение верно лишь отчасти. Ведь невозможно, чтобы обладающее материей не заключало в себе ничего противоположного. В каждом материальном теле может присутствовать прямое или горячее, но ничто не может быть целиком только горячим или только белым – потому что телесные качества в таком случае будут отделены. Поэтому, когда одновременно даны действующее и страдающее, одно всегда действует, другое – претерпевает воздействие, так что тела не могут не изменяться. И если по необходимости образуется излишек (περίττωμα), он также будет противоположностью – ибо изменение всегда происходит от противоположного, а всякий излишек есть остаток того, что было до начала изменений.

Но предположим, изменяющееся тело больше не заключает в себе ничего противоположного в действительности, – в таком случае оно было бы неуничтожимым даже здесь. Или нет? Ведь оно будет уничтожено окружающим¹. Если да, то сказанного достаточно. В противном случае следует предположить, что в самом изменяющемся заключено нечто в действительности противоположное, и оттого остается излишек. Так и слабый огонь попутно сгорает в огне более сильном, ведь свою пищу (дым) он поглощает за долгое время, а сильный огонь – за короткое².

Поэтому все вечно находится в движении: возникает или уничтожается. Окружающие [тела] либо содействуют этому, либо препятствуют. Поэтому благодаря различным превращениям одни по природе более долговечны, другие – менее, но ничто не будет вечным из того, в чем заключены противоположности. Ибо материя как раз и содержит противоположности, так что благодаря наличию противоположности по месту происходят перемещения в пространстве; благодаря противоположности по количеству происходят рост и убыль; благодаря противоположным свойствам – качественные изменения.

Глава 4 [466a1–466a16]. Не обязательно более долговечны те, кто крупнее (ведь у лошади жизнь короче, чем у человека), или кто мельче (большинство насекомых живут не больше года), или растения в целом долговечнее животных (некоторые из растений – однолетние), или животные с кровью (пчела ведь живет дольше некоторых животных с кровью), или бескровные (моллюски живут год, и они бескровны), или обитающие на суше (однолетними бывают и растения, и сухопутные животные), или в море (ведь и там есть живущие недолго – ракушки и моллюски³).

Все же самые большие долгожители встречаются среди растений (например – финиковая пальма). Далее, животные с кровью живут дольше бескровных, а сухопутные – водных. Соединив оба указанных признака, получаем, что дольше жить должны сухопутные животные с кровью, например, человек и слон. И более крупные живут в среднем дольше, чем мелкие (ведь и прочим долго живущим животным сопутствует также больший размер, а не только тем, о которых было сказано).

Глава 5 [466a17–467a5]. Причина выше сказанного заключается в следующем. Надо понимать, что живое существо по своей природе влажно и горячо, такова и жизнь, а старое сухо и холодно, такова и смерть, ибо так она выглядит. Материю тел составляют горячее и холодное, сухое и влажное, и, следовательно, когда тело стареет, оно неизбежно должно высыхать. Поэтому нужно, чтобы влага не высыхала быстро. И потому не подвержены гниению тела жирные – из-за воздуха, ведь воздух по отношению к прочим элементам подобен огню, который сам не подвержен разложению⁴. И влажного не должно быть мало, а то оно быстро высохнет. Вот почему крупные животные и растения в среднем живут дольше, как было ранее сказано. Это ведь понятно: чем больше тело, тем больше в нем влаги. Однако не только поэтому они живут дольше. Ведь причин две – количественная и качественная, и важно не только достаточное количество влаги, но и ее теплота, чтобы тело не замерзло и не высыхало быстро. Оттого человек и живет дольше некоторых более крупных животных: у кого влаги меньше, проживут дольше в том случае, если будут превосходить других качеством своей влаги, – превосходить соответственно больше, чем уступать по количеству. Ведь у одних ее теплота от жира, что способствует тому, чтобы

они одновременно и не легко высыхали и не быстро замерзали. А у других [теплота в] другой жидкости⁵.

И чтобы дольше избегать разрушения, не следует иметь обильные выделения, ибо они приводят к гибели либо вследствие болезни, либо по самой природе. Ибо сила выделения враждебна и губительна как для природы целого, так и для части. По этой причине похотливые и выделяющие много спермы животные быстрее стареют – ведь сперма – это выделение, к тому же она иссушает, когда отходит. Потому мул живет дольше и лошади и осла, будучи их порождением, и самки живут дольше самцов, поскольку самцы более любострастны (и самцы страусов живут меньше самок). И еще: самцы, которые проводят жизнь в трудах и напряжении, вследствие этого быстрее стареют. Ибо труд иссушает, а старости свойственна сухость. Но по природе, если говорить в целом, мужской пол долговечнее женского, потому что мужской организм более горяч по сравнению с женским.

Одни и те же животные в теплых странах живут дольше, чем в холодных, по той же причине, по какой они бывают крупнее. Особенно заметно это на примере величины рожденных холоднокровными: змеи, ящерицы и все покрытые чешуей достигают большого размера в теплых местах, как и раковины в Красном море, ибо теплая влага есть причина роста и жизни. В холодных же землях влага, содержащаяся в животных, более водяниста, потому она быстрее высыхает. Так что в северных краях некоторые малокровные или бескровные виды животных не водятся, – ни сухопутные на земле, не водные в море, – другие же водятся, но они более мелкие и жизнь у них короче. Ибо мороз препятствует росту.

Без пищи растения и животные погибают вследствие того, что поедают сами себя. В самом деле, подобно тому как сильный огонь сжигает и уничтожает огонь слабый, потому что расходует его питание, так и природная теплота, благодаря которой прежде всего происходит переваривание пищи, расходует телесную материю, внутри которой она существует. Водные животные живут меньше сухопутных не потому, что они влажные, но потому что они водянистые, а такого качества влага легко уничтожается: она холодная и быстро замерзает. И бескровные живут мало по той же причине (если только не будут защищены своим размером), ибо в них нет ни жира, ни сахара. Ибо у животных жир сладок⁶. Из-за сахара пчелы живут дольше иных более крупных животных.

Глава 6 [467a6–467b9]. Среди растений долгожители встречаются даже чаще, чем среди животных, во-первых, потому что они менее водянисты, а значит, не так быстро замерзают, а во-вторых, в них есть маслянистость и клейкость⁷, и поэтому они, будучи сухими и землистыми, все же имеют влагу, которая не быстро высыхает.

Далее следует выяснить, в чем причина природного долголетия деревьев. Эта причина особенная, не свойственная животным, правда, за исключением насекомых. Дело в том, что растения постоянно обновляются, потому они и долговечны. У них всегда растут новые побеги, а старые отмирают. И корни подобным же образом, только не одновременно: допустим, остался один пень и погибли все ветви, но от корневища начинает отрастать новая поросль, и когда побеги достаточно подрастут, они пустят новые корни. И так продолжается всегда: одно отмирает, другое рождается. Вот почему они живут долго. Как мы ранее сказали, растения похожи на насекомых, ведь будучи разрезаны, они продолжают жить, из одного возникает два и больше⁸. Однако насекомые после разрезания способны лишь только выжить, но долгое время жить не могут: они не имеют органов, и их не может произвести то начало, которое в каждом из них заключено. А начало, имеющееся в растениях, – может. В растении повсюду потенциально имеется корень и стебель, и благодаря этому началу в растении постоянно происходит движение: одно вырастает заново, другое стареет. Это обеспечивает растению долгую жизнь почти так же, как при рассаживании. Ибо при рассаживании происходит, можно сказать, почти то же самое: отсаживается часть [материнского растения]. Но если при рассаживании часть отделяется, то в первом случае сохраняется непрерывность⁹. Причина же в том, что у растений начало потенциально находится повсюду.

Одно и то же свойственно как животным, так и растениям: у животных, как правило, долголетием отличаются самцы – у них верхняя часть тела больше нижней (самцы по сравнению с самками несколько “карликообразны”), причем верх всегда горячее, низ холоднее, и у растений долголетием отличаются особи с более массивной головой. Но таковы не однолетники, а древовидные растения. Ибо “верх” для растения и его “голова” – это корень. А однолетники растут от корня вниз, где будет плод. Однако об этом мы будем специально говорить в сочинении “О растениях”, а сейчас было сказано о прочих животных, причине долготы и краткости их жизни.

Нам остается рассмотреть, что такое молодость и старость, жизнь и смерть, и на этом наше исследование о животных будет завершено.

Примечания

¹ ὑπὸ τοῦ περιέχοντος φθείρεται. Внешнее окружение, окружающие извне тела (τὰ περιέχοντα) непременно содержат противоположности, ведь помимо огня вокруг существуют три других родственных ему тела – воздух, вода и земля. Вопрос ставится о возможности для огня быть неуничтожимым – и наверху, и внизу, “здесь” (ἐνταῦθα).

² Фраза, как представляется, не связана с ходом рассуждения и похожа на по ошибке вставленную переписчиком, далее в тексте есть подходящий источник вставки – Long., 4, 466b30–31. В издании Росса [Aristotle 1955] исключена.

³ Моллюски (букв. “мягкотелые”, τὰ μαλάκια) – это головоногие моллюски без раковины (кальмары, осьминоги), у остальных моллюсков есть раковина, отчего в классификации Аристотеля они получили название “черепокочих” (τὰ ὀστρακηρά).

⁴ πῦρ δὸν γίνεται σαπρόν, – о неподверженности огня разложению ранее, с использованием той же терминологии, было сказано в “Метеорологике” IV, 1, 379a15 слл. Аристотель утверждает, что старение связано 1) с высыханием и 2) с гнилостным разрушением. О терминологии разрушения как “разложения” и “гниения” и его причинах подробнее см.: “Метеорологика” IV, 1, где термины “гниение” (σῆψις) и “разложение” (σαπρότης) в рассуждении взаимозаменяемы; “гниение” понимается как уничтожение (φθορά) “во влажном теле внутренней природной теплоты под воздействием чуждой внешней теплоты”. Старение, увядание как этап естественного пути уничтожения приводит в конце концов к σαπρότης (разложению, гниению, порче), если только тело не будет сожжено, см.: “Метеорологика” IV, 1, 379a3–6. Получается, чтобы не стареть, нужна влага, но влага также является условием гниения, а это тоже старение. Чтобы замедлить старение от высыхания, нужна влага, которая бы не высыхала быстро. “Неводяниста” влага жирная. Тот же самый жир замедляет старение от “гниения”, поскольку, по мнению Аристотеля, жир содержит в себе воздух, действующий во влажной материи подобно огню, огонь же не разлагается, ведь в нем нет влаги.

⁵ ἐνίοις δ’ ἄλλον ἔχει χυμόν. Если под “другими” здесь имеются в виду растения, то аналогом крови у растений, действительно, является “сок” (χυμός). Если же имеются в виду другие животные, то есть бескровные, то аналогом крови в их организме является органическая жидкость, именуемая традиционно “ихор” (ἰχώρ): сыворотка, лимфа. Поэтому переводим χυμός наиболее общим образом как “жидкость”. Ср. “О молодости и старости” 4, 469b6 слл.: “Все части и все тело животных имеют некую природную врожденную теплоту (σύμφυτον θερμότητα φυσικήν)”, “необходимо, чтобы начало этой теплоты помещалось у животных с кровью в сердце, у бескровных – в его аналоге, ибо обрабатывают и переваривают пищу все части, но главным образом часть важнейшая”.

⁶ ἐν γὰρ ζῴῳ τὸ λιπαρὸν γλυκύ. У всех животных, имеющих жир (τὸ λιπαρόν), есть и сахар, однако у бескровных животных жира нет (ср.: “О частях животных” II, 5), и у растений жира нет, но сахар есть. И у пчел есть сахар, что способствует их долгожительству. Впрочем, у растений есть свой растительный жир – масло. Поэтому τὸ λιπαρόν, ἢ λιπαρότης переводим как “маслянистость” в случае с растениями, и как “жир” в остальных случаях.

⁷ Здесь сок растений назван имеющим “маслянистость и клейкость” (ἔχει λιπαρότητα καὶ γλισχρότητα), и в этом преимущество влаги растений, не позволяющее им засыхать и замерзнуть слишком быстро. Ранее преимуществом человека были названы жирность (τὸ λιπαρόν) и теплота крови, препятствующие ее засыханию и замерзанию.

⁸ Здесь Аристотель повторяет сказанное в четвертой книге трактата “О частях животных”: “Иметь насечки для насекомых необходимо, ибо к сущности их относится иметь много начал и в этом отношении они подобны растениям. Именно они, как и растения, даже будучи разрезаны, в состоянии жить; только для насекомых срок жизни после этого ограничен, а растения могут

и вновь приобрести целостность и образовать из одного растения два или большее число” [Аристотель 1937, 141–142].

⁹ В трактате “О молодости и старости” 2, 468b16–18 Аристотель еще раз перечисляет способы размножения растений и находит термин, которым здесь не пользуется, – ἐμφυτεία, разрастание порослью: 1) выращивание семенами, 2) выращивание порослью (побегами, отводками) и 3) выращивание рассадой (черенками). Различие двух последних способов в том, что ἀλοφυτεία, рассаживание, представляет собой отделение отростка (черенка, фрагмента) от материнского растения, а ἐμφυτεία, разрастание, размножение прикорневыми побегами, предполагает первоначальное развитие на материнском растении, без отделения от него.

Перевод с древнегреческого и примечания М.А. Солоповой